

МАРИНА ЖУКОВСКИ

ЭТА НЕО- БЫЧ- НАЯ

ПОЛЬША

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ **ИСТОРИЯ** О ПЕРЕЕЗДЕ
В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ И **РАЗЛИЧИЯХ**
МЕНТАЛИТЕТОВ

Travel Story. Книги для отдыха

Марина Жуковски

**Эта необычная Польша.
Захватывающая история о
переезде в Восточную Европу
и различиях менталитетов**

«ЭКСМО»

2020

УДК 908(438)
ББК 26.89(4Пол)

Жуковски М.

Эта необычная Польша. Захватывающая история о переезде в Восточную Европу и различиях менталитетов / М. Жуковски — «Эксмо», 2020 — (Travel Story. Книги для отдыха)

ISBN 978-5-04-117565-8

Марина Жуковски родилась в обычном казахском городе в обычной советской семье, где мама планировала для дочки блестящую карьеру переводчика, а папа-полковник пророчил военное будущее. Спустя годы вопреки желанию родителей Марина выпорхнула из родительского гнезда, надев форму стюардессы, и в скором времени по воле судьбы окончательно и бесповоротно пикировала прямо в объятия капитана. И не просто капитана, а самого настоящего польского пана. Много воды утекло с тех пор, и теперь уже пани Марина живет в Варшаве, воспитывает двух юных поляков и рассказывает занимательные истории о жизни русской домохозяйки (читай — шпиона) в Польше... Эта книга искренне повеселит вас и поможет разобраться в тонкостях другой культуры и менталитета. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 908(438)
ББК 26.89(4Пол)

ISBN 978-5-04-117565-8

© Жуковски М., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Разрешите познакомиться	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

@m_macadamia

Марина Жуковски
Эта необычная Польша. Захватывающая
история о переезде в Восточную
Европу и различиях менталитетов

© Жуковски М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

БОМБОРА™

Москва 2021

Разрешите познакомиться

Меня зовут Марина, и я стюардесса. Точнее сказать, бывшая, но хоть я уже и не летаю больше десяти лет, в душе я все еще остаюсь стюардессой.

Наверное, поэтому и, конечно, не только поэтому мой муж пилот, о чем я всегда гордо заявляю, не забыв добавив, что, в общем-то, я тоже летала и в летных кругах я практически свой человек.

Как мы познакомились? Конечно же, в самолете.

Итак, высота 10 000 метров над землей, полет проходит нормально. Я вхожу в кабину пилотов и лучезарно улыбаюсь, держа в руках чашечку кофе. Он медленно отрывает взгляд от далекой синей дали и поворачивается в мою сторону. И вдруг... короткое замыкание, пошла искра, а точнее, побежала. Сердце капитана бешено забилося, у него инфаркт, тахикардия и ишемическая болезнь на любовной почве.

Штурвал выпадает из рук, самолет теряет высоту, вокруг самолета сгущаются тучи, молнии и грозы. Я все еще улыбаюсь и легким движением руки нажимаю кнопку автопилота, привожу в чувство умирающего капитана и тучи развожу руками. Молнии и грозы остались позади, самолет набирает высоту. Мы снова все в безопасности. Капитан падает на колени и умоляет выйти за него замуж.

Примерно так думает половина людей, которым я говорю, что мой муж – летчик, а я – бывшая стюардесса.

На самом деле все было банально просто, обыденно, современно и совсем не романтично. Своего пана капитана я встретила в Интернете, а точнее на Фейсбуке. Вполне себе современный способ знакомства.

«А почему пана?» – спросите вы. А все потому что капитан – поляк, а в Польше, как известно, живут только паны и пани. Это у нас Мария Ивановна, Татьяна Георгиевна или Дмитрий Борисович, а у них, у поляков, все проще – пани Марта, пан Петр, пани Магдалена и т. д. Так со временем и я стала не просто Марина, а пани Марина. Но все по порядку.

В то время, когда мы еще не были знакомы, мой будущий муж работал в одной казахстанской авиакомпании, в которой и я тоже когда-то имела честь трудиться на должности бортпроводника. Правда, когда мой избранник появился в той же компании в качестве второго пилота, я свою летную карьеру заканчивала. Тогда мне казалось, что я навсегда разрываю свой роман с небом и авиацией, не надену больше униформу и не появлюсь на борту самолета в качестве

летнего состава. И уж тем более не входило в мои планы выйти замуж за летчика, к тому же иностранного. Но, видимо, судьба решила иначе.

Вместо романтического знакомства где-то на просторах небесного океана встретились мы на просторах океана электронного. Прекрасным очам пана капитана предстали мои не менее прекрасные фотографии, которые я щедро выкладывала, как и все современные молодые девушки моего поколения. Не став ходить вокруг да около, он сразу же предложил встретиться и выпить кофе. Хотя фото будущего избранника и привлекло мое внимание, я решила ответить отказом, а все потому, что сердце мое было несвободно.

В то время я была безнадежно влюблена в коллегу по работе. Любовь была хоть и ответная, но платоническая, а всему виной происхождение моего возлюбленного. Рыцарь моего сердца говорил на языке Мольера и жил в стране, славящейся шоколадом, круассанами и Эйфелевой башней. То есть был французом и жил в прекрасном и романтическом Париже. Я, к сожалению, ни в Париж, ни во Францию переезжать не планировала, так же как и он не планировал переезжать в Казахстан. Мы переписывались, а порой и перезванивались. Я страдала и мечтала, что в один прекрасный день его переведут работать в Алматы, поближе ко мне, и тогда мы проживем долго и счастливо, родим двоих детей и состаримся вместе. Лямур¹ хоть и была взаимная и мой Ланселот² писал длинные письма с пылкими признаниями, но расстояние между нами было слишком велико, а у гражданки судьбы были совсем иные планы.

Пока я зубрила слова и правила французского языка, чувства парижского жабояда стали медленно и верно остывать. Сначала звонков и любовных писем было все меньше и меньше, а потом прекратились совсем. В конце концов французиска перестал писать, звонить и подавать признаки жизни. Я почувствовала себя отверженной и начала страдать. И в этой любовной агонии и нашел меня мой будущий муж.

Получив несколько категорических отказов с моей стороны, пан капитан по какой-то неведомой причине решил не сдаваться и настойчиво продолжал добиваться встречи.

Я же, поняв, что он летчик, да еще и бывший коллега, твердо решила не поддаваться на провокации и страдать дальше от неразделенной любви.

Но польский пан проявил удивительное терпение, и после двух месяцев переписки я решила капитулировать, развеять грусть-тоску и согласилась-таки на встречу. И, как оказалось позднее, правильно сделала.

Польский пан оказался очаровательным и веселым. Трудно теперь припомнить, чем именно так веселил меня будущий муж при первой встрече, но точно помню, что весь вечер я хохотала до слез. Так что на следующую встречу я согласилась без каких-либо раздумий, напроочь забыв и про Париж, и про некоторых его обитателей.

Мы начали встречаться каждый день. Расставаясь каждый вечер, я с нетерпением ждала следующего дня и следующей встречи. Пан капитан оказался знатоком астрономии, и после наступления ночи, глядя в темное небо, он рассказывал о далеких планетах и звездах, отражавшихся в его глазах. Цитировал стихи, правда, не Ахматову и не Есенина, а малоизвестного мне английского автора. Хотя мой разговорный английский и был достаточно хорош, но английская поэзия явно не была моей сильной стороной. Но какая, в общем-то, разница, когда стихи произносит дорогой тебе человек? Я ничего не понимала, но замороженно слушала, улыбалась, кивала, и мое сердце таяло.

Пан капитан, покорив небо, теперь мечтал о далеких морях и океанах. В его грезах он плывет под парусом, а вокруг – голубая гладь. Морской бриз дует ему в лицо, ветер небрежно играет волосами. Днем он отправляется в открытое море, к вечеру бросает якорь в порту или

¹ *L'amour* (пер. с франц.) – любовь.

² *Ланселот* – знаменитейший из рыцарей Круглого стола в легендах о короле Артуре и основанных на них рыцарских романах.

ночует в открытом море. Я, на счастье, была неотъемлемой частью этих рассказов под звездным небом. Не влюбиться было невозможно. Принц во плоти, хоть и без коня.

Днем мы вели активную электронную переписку, договариваясь о новой встрече. Мы ходили в кафе, рестораны, гуляли в парках, посещали театры и кино, сидели просто на лавочках и говорили, говорили, говорили. Казалось, что не хватит целого дня и целой ночи, чтобы мы смогли наговориться, насмотреться, насмеяться.

Возвращаясь домой, я засыпала, думая о новой встрече, и просыпалась утром с мыслью, что сегодня мы встретимся вновь.

Казалось, каждую минуту, когда мы не вместе, он писал мне сообщения, и мы снова о чем-то долго говорили. Он улетал, но всегда возвращался и спешил на встречу каждый раз, как только шасси его самолета аккуратно касались взлетно-посадочной полосы.

Спустя пару недель, не в силах больше держать оборону и сопротивляться, я капитулировала в объятия пана капитана навсегда.

Все развивалось так быстро и стремительно, что еще спустя две недели я, собрав свои нехитрые пожитки, переехала к нему жить.

Как я уже упоминала, мой польский друг трудился пилотом по контракту на вполне себе приличных условиях. Компания снимала для него одну квартиру размером с футбольное поле, которая вполне могла вместить семью из десяти человек.

Когда я впервые появилась в дверях этой квартиры, обнаружилось, что живет он, может, и один, но практически каждый выходной день, а их было однозначно больше, чем два в неделю, его временный дом наполнялся гостями таких же летчиков, как и он, из разных уголков мира.

И вся эта честная компания летчиков-перелетчиков регулярно собиралась за бокалом вина в доме моего капитана. Хотя «за бокалом» вина сказано очень скромно, скорее там были ящики. Каждый гость приносил с собой минимум две бутылки красненького, которые незамедлительно разливались по бокалам.

К десяти часам вечера гости не расходились, а скорее, наоборот, посетители все прибывали.

Иногда такие посиделки заканчивались только к утру. А порой завершались не совсем удачно. Нет, между собой коллеги не дрались, но в веселом состоянии бродили поздним вечером по улицам города, видимо, специально в поисках неприятностей.

Так мой пан капитан первый раз и получил в лоб вместе с коллегой по работе.

Интересно, что наутро мало кто помнил, что произошло и по какой причине, но, глядя на побитые лица, пришлось им несладко.

После первой же вечеринки в нашем уже общем доме, которая закончилась глубокой ночью, когда ранним утром я, еле-еле открыв глаза, должна была собираться на работу, решено было, что с гостями надо заканчивать. Посиделки до полуночи и толпы гостей никак не вписывались ни в мой образ жизни, ни в мои планы, ни тем более в мой рабочий график.

Во-первых, с алкоголем у меня были проблемы – мой организм его просто не переносил. Максимум, что я могла выпить, так это бокальчик белого вина, а не гектолитры, которые щедро разливались по бокалам каждый вечер и всю ночь.

Во-вторых, в то время я работала в офисе, вставала рано и к девяти часам утра должна была быть на работе, отдохнувшая, полная сил и готовая к новому трудовому дню. А все друзья-коллеги, посещавшие наш дом в больших количествах, зачастую среди недели не работали и привыкли к плавающему графику, поэтому им было невдомек, что некоторые трудятся с понедельника по пятницу и встают ни свет ни заря.

Ну а в-третьих, вся эта компания авиаторов абсолютно не вписывалась в образ романтического вечера, которые я надеялась проводить с паном капитаном вдвоем, а не в обществе посторонних людей.

Мой капитан оказался человеком чересчур общительным и любящим гулянки с большим количеством гостей, поэтому двери его дома всегда были открыты для всех.

Я тоже была общительна и против гостей ничего не имела, однако считала, что всему должен быть предел. Гости – это хорошо, но не чаще одного раза в неделю. А не тогда, когда утром мне на работу. К тому же я собственница и делиться обществом моего возлюбленного категорически не хотела.

В связи с этим я стала активно размышлять, как избежать посиделок с чрезмерным количеством горячительных напитков и нескончаемым потоком гостей. В голову ничего вразумительного не приходило, и решено было использовать капитанскую любовь ко мне и сказать твердое «нет» всем пьянкам, гостям и вину. Приведя все мои доводы, я немного побаивалась, что этот разговор приведет к какому-нибудь международному конфликту между нами, но все прошло гладко. Пан капитан, глядя на меня влюбленными глазами, подчинился беспрекословно.

После того как мы начали жить вместе, я сразу отметила, как сильно мы отличаемся друг от друга, а точнее, наше воспитание и взгляды на некоторые вещи.

Так, например, когда я говорила:

– А что скажут люди?

– Какие люди? – недоуменно переспрашивал меня он.

– Ну, соседи, например, или знакомые.

На что он ошарашенно пожимал плечами, добавляя только:

– Какая разница?

Мне с самого детства прививалась забота о близких, которая, кажется, больше выражалась заботой о посторонних. Нельзя было себя вести так и сяк, нельзя было говорить того и этого, и причиной было мнение абсолютно чужих мне людей.

«А что люди скажут?» – часто слышала я от родителей. Мы, конечно, не были единственными, кто так заботился о чувствах посторонних. Тот же самый вопрос я слышала везде, начиная от фильмов, которые я смотрела, и заканчивая двором, в котором росла.

Никто и никогда так и не удосужился объяснить мне, почему и зачем нам так важно мнение других, порой абсолютно чужих и незнакомых людей. Но в те времена сам вопрос вызывал ступор и заставлял крепко задуматься о своем поведении.

Став взрослой, я так же, как и взрослые из моего детства, начала задаваться тем же самым вопросом. По неведомым причинам мне казалось, что все ведут себя и думают так же, как и я, то есть заботятся о том, что скажут другие.

Но, встретив пана капитана, я вдруг отметила, что есть на свете люди, для которых мнение других не имеет абсолютно никакого значения. И живут же как-то, и ведь хорошо живут!

Убедиться в, так сказать, пофигизме моего летчика пришлось очень скоро.

В нашей квартире прорвало трубу. Пан капитан был где-то в рейсе, я собиралась на работу, как вдруг услышала странное шипение, доносившееся откуда-то из ванной комнаты. Прислушавшись, я поняла, что не ошиблась, и последовала за звуком. Дойдя до ванны, я обнаружила, как из-под двери медленно, но верно вытекает вода. Я открыла дверь и с ужасом обнаружила, что весь пол уже залит водой. Прохлюпав по мокрому кафелю внутрь, я начала лихорадочно искать, где же находится затвор. Его нигде не было, а вода все прибывала.

Оставив поиски, я бросилась к соседям, которые жили за стенкой. Соседи эти, к слову, и были хозяевами квартиры.

Дверь открыла сонная женщина, но после моего сообщения, увидев мои мокрые по шиколотку ноги, она в чем была последовала за мной, видимо, чтобы удостовериться, не снится ли ей происходящее.

Убедившись, что это не была неудачная шутка, а вода прибывает с геометрической прогрессией, она на доли секунды скрылась в своей квартире и уже через минуту появилась опять, вооружившись тряпками и ведрами, не забыв при этом разбудить мужа и четверых детей.

Все начали ползать и собирать воду. Отец семейства взялся за самую ответственную работу. Он звонил в ЖКХ, дабы узнать, как перекрыть воду. Оказалось, что ее перекрыть могут только сантехники, которые появились через минут двадцать, что, в принципе, и так достаточно быстро.

В общем, к моменту, когда вода наконец была перекрыта, в нашей квартире можно было смело плавать. Не было комнаты, до которой вода не добралась бы. Несмотря на то что шесть человек активно возюкали по полу тряпками и швабрами, пытаясь собрать как можно больше воды, последняя все лилась и лилась, пока наконец не добралась до каждого уголка нашей квартиры.

Хозяин квартиры метался из угла в угол, периодически выдавая нецензурную брань.

Я не особо знала, как вести себя в данной ситуации, и решила удалиться на работу.

Вернувшись вечером, я обнаружила, что квартира спасена от потопа, но часть мебели пришлось вынести. Спать какое-то время пришлось на матрасе, который лежал на полу.

И все бы ничего, если бы не тот факт, что вода с нашего десятого этажа залила соседей аж до шестого. Хозяйка квартиры заверила меня, что уже переговорила со всеми владельцами квартир, разъяснила ситуацию и проблем нам создавать никто не будет. Я согласно кивнула, поблагодарила ее за помощь и вернулась домой.

Не прошло и двух дней, как к нам в дверь позвонили. В семь утра на пороге стояла пожилая, тучная женщина, настроенная не совсем дружелюбно.

– Чем могу помочь? – спросила я, открыв дверь еще в халате.

– Я живу на шестом этаже, и вы нас затопили! Кто оплатит ремонт?! – женщина уперла руки в боки и сдвинула густые брови, сросшиеся на переносице.

Я попыталась было избавиться от собеседницы, объяснив, что нашей вины здесь нет, это лопнула труба в ванной комнате, к тому же хозяйка квартиры сказала, что сама разберется с пострадавшими. Только я собралась прикрыть дверь, как женщина тоном, не терпящим возражений, объявила:

– Хозяйка хозяйкой, а затопили нас вы, а не она! Кто снимает квартиру? На чье имя составлен договор? – не унималась женщина, при этом с каждым словом тон ее голоса становился все громче и громче.

– Квартиру снимает компания, а живем здесь мы. Простите, но мне на работу надо собираться.

Я попыталась закрыть дверь, но не тут-то было. Мадам вставила ногу в дверь и подвинулась в мою сторону. Я хотела было хлопнуть дверью и сделать вид, что ноги-то я и не заметила, но, опасаясь, что могу сломать ей ступню и тем самым ухудшить и без того неприятную ситуацию, решила все же от этой идеи отказаться.

– О нет, милочка! Где ваш муж?! Вы мне за весь ремонт заплатите, даже не сомневайтесь! Я знаю, что договор на мужа составлен! Когда он будет дома?! Будем разбираться! Все до копейки вернете!

Мужа, который в то время мужем еще не являлся, дома не было, вернуться из рейса он должен был только на следующий день рано утром, примерно в то же самое время.

Я человек скромный и неконфликтный, к тому же в то время мне было всего двадцать семь лет, и я еще не успела набраться наглости, чтобы хлопнуть дверью и вытолкать пожилую женщину за дверь. Меня воспитывали уважать старших, даже если они не правы и даже если они откровенно хамят.

Я нехотя пролепетала, что муж будет только завтра, примерно около семи утра, надеясь, что она не придет снова так рано, а я за это время успею еще раз переговорить с хозяйкой квартиры.

Дама, кажется, осталась вполне удовлетворена моим ответом и удалилась, пригрозив мне пальцем напоследок, добавив, что ни за что с нас не слезет, пока мы не заплатим по счетам.

Днем я позвонила пану капитану, который находился на эстафете в Стамбуле. Я наивно полагала, что, услышав мою историю, он испугается или начнет переживать не меньше меня, но он равнодушно сказал:

– Ну и что? Пусть идет к хозяйке или придет опять, если ей так хочется.

Я подумала, может, он просто не понял всей ситуации? Трудности перевода, так сказать, ведь первое время мы говорили только на английском языке.

Вернувшись с работы, я заглянула к хозяйке квартиры, пересказав ей утреннее происшествие.

– Да, я уже с ней говорила. Вредная она ужасно. Не переживайте, я вечером с ней еще раз переговорю.

Успокоившись, что все улажено, я абсолютно спокойно легла спать.

Пан капитан вернулся с работы, как и было запланировано, около шести утра. Принял быстро душ и, сообщив, что ужасно устал, отправился спать. На часах было 7.05 утра, когда раздался звонок.

«Это она», – подумала я про себя.

Я решила не открывать, но звонок раздавался снова и снова. Пан капитан приподнялся в кровати на локте и спросил, кто может нас посещать в такую рань.

Сглотнув, я направилась к двери. Быстро глянув в дверной глазок, я обнаружила вчерашнюю даму в сопровождении мужа. Пожилые люди переговаривались между собой, из приглушенной речи удалось только расслышать:

– Дома, дома они. Гады!

То есть это мы гады. Я открыла дверь.

– Где он? – не удосуживаясь поздороваться, выпалила соседка.

– Кто? – пыталась оттянуть время я.

– Кто, кто? Муж! Пусть выйдет! Будем разбираться.

Я попыталась было объяснить, что разговаривала с соседкой, и что время раннее, и вообще муж устал, т. к. только что вернулся. Но не тут-то было.

Мадам не сдавалась и махала огромными ручищами в воздухе, грозя разобраться с нами по-плохому, если мы не захотим по-хорошему. Из-за ее могучей спины что-то выкрикивал хиленький муж. Подозреваю, что это были также угрозы в наш адрес.

Я нехотя направилась в спальню. К моему удивлению, несмотря на все крики, доносившиеся из коридора, пан капитан практически спал и не обращал на нас никакого внимания.

– Выйди к ним. Не знаю, как их утихомирить, – попросила я.

– Я спать хочу. Скажи, пусть придет потом, – отмахнулся от меня он.

В конце концов, вняв моим уговорам, мой польский возлюбленный встал и вышел... абсолютно голый. Здесь надо отметить, что спал он всегда в чем мать родила. Утверждая, что тело должно отдохнуть от одежды и вообще так спится лучше. Философия у него была такая.

И в тот день точно так же. Вернувшись с работы, он сходил в душ, надел халат, потом этот халат снял и влез под одеяло, будучи абсолютно голым. Когда же я уговорила его выйти, он решил не утруждать себя лишними движениями и не искать халат, а, просто встав с кровати, прошагать прямо в коридор.

Надо было видеть изумление женщины, когда мой будущий муж появился в negligé, выдав на ломаном русском только одно слово:

– Чо?

Я, кстати говоря, тоже была не совсем готова к такому повороту событий и засеменила за ним, прихватив то ли полотенце, то ли халат. Но воспользоваться им он не успел.

Ошеломленная соседка неожиданно потеряла дар речи. Когда она все же пришла в себя, то вслух только сказала:

– Ой, а вы спите?

Пан капитан, не говоря ни слова, смотрел на соседку, не пытаясь даже прикрыться.

– Извините, не будем вам мешать. Мы попозже зайдем, – неожиданно для меня сказала она. Причем голос не выражал никакого недовольства, а скорее был вежливым и любезным.

И подхватив мужа, который не вымолвил ни слова, мгновенно исчезла в дверях лифта.

В принципе, в шоке была не только она, но и я. В состоянии потрясения я пыталась понять, что же сейчас произошло и не показалось ли мне, что мой будущий муж действительно предстал перед соседкой в чем мать родила, выставив напоказ то, что, со слов моих родителей, надо было прятать от посторонних глаз.

Капитан же, не моргнув и глазом, не вымолвив и слова, удалился в комнату спать дальше.

На следующий день вечером к нам пришел сын зловредной соседки. Молодой человек лет тридцати, в очках, очень интеллигентный и вежливый явно пошел не в маму. Сначала он поинтересовался, что же произошло, и я уже хотела было начать объяснять, почему же мой будущий муж вышел к его пожилой маме абсолютно голый, но оказывается, эта часть его не интересовала абсолютно. Сын соседки интересовался исключительно потоком, который произошел в нашей квартире несколькими днями ранее. Я выдала тот же текст про хозяйку, на что он положительно кивнул, поблагодарил и удалился.

Конфликт с соседкой был исчерпан. Больше она никогда не появлялась в дверях нашей квартиры.

Так я пришла к выводу, что, несмотря на то что между нами, несомненно, есть много общего, но в то же время мы такие разные.

Так, я, например, воспитанная в пуританских нравах, никогда не посмела бы даже подумать, чтобы предстать перед соседкой и уж тем более соседом в обнаженном виде. И если я еще несколько дней переживала по поводу произошедшего, то мой будущий супруг напрочь забыл о случившемся, как-будто ничего и не было.

Отличалось и то, как мы проводили свободное время. Я, например, любила выйти с подругами в кафе, съесть десерт, обсудить последние новости личной жизни, посплетничать о судьбе общих знакомых и пожаловаться на начальство на работе. А вот мой польский друг свободное время проводил несколько иначе. Нет, он, конечно, тоже любил провести время с друзьями, но если я, например, к десяти вечера возвращалась домой абсолютно трезвая, то друг мой сердечный возвращался примерно под утро, абсолютно не трезвый.

К алкоголю в моей семье отношение было негативное. Моя мама не пила ничего крепче чая. Если по стечению обстоятельств она таки выпивала небольшое количество алкоголя, а в случае моей мамы небольшое количество не превышает пятидесяти граммов водки или ста граммов вина, то дальнейший вечер она чувствовала себя отвратительно: у нее горело лицо и начинала болеть голова. Поэтому примерно раз в пять лет по очень, очень большим праздникам мама могла выпить полбокальчика белого вина. И эту особенность я унаследовала от нее.

В годы юности, когда ровесники начинали интересоваться алкоголем, я, конечно, тоже пыталась не отставать и быть как все, но мои отношения с алкоголем сразу же не заладились.

Например, пиво казалось мне отвратительным на вкус, и я искренне не понимала, как эту гадость можно вообще пить. С водкой тем более. Влив в себя мои первые в жизни сто грамм на дне рождении друга, я долго металась по квартире в поисках воды. Мне казалось, что я влила в себя средство для прочистки труб и надо срочно вызвать «Скорую помощь», дабы промыть мои внутренности.

Вино мне казалось ужасно терпким, но все же по вкусу было немного лучше пива или водки. Но и здесь меня ждал сюрприз. Оказалось, что у меня аллергия на красное вино. После даже небольшого бокала мое лицо становилось пурпурно-красным, а через полчаса начиналась нестерпимая головная боль.

Так что мои алкогольные пробы закончились, не успев начаться. Решив не испытывать далее судьбу, я пошла по стопам мамы, сделав выбор в пользу чая и кофе.

Но у пана капитана таких проблем не было. Водку он пил редко, но вино любил, поэтому, когда он собирался с друзьями, в ход шло именно оно, красненькое.

Первое время я даже решила не отставать, но после первого же бокала красного вина потерпела полное фиаско. Мое лицо вдруг слилось с цветом моих губ, стало огненно-красным, а через полчаса голова болела так, что я не в состоянии была сосредоточиться ни на вечере, ни на знакомых.

Поэтому после двух неудачных попыток я больше не пыталась быть как все и наслаждаться вином наравне с другими. Трезвость – видимо, мое призвание.

Когда мы ходили в гости, я наслаждалась только чаем, все остальное мне было противопоказано. Хотя был в этом какой-то плюс, ведь после шумных и долгих посиделок у знакомых кто-то должен был доставить капитана до дома в целости и сохранности.

Отличалось и наше восприятие окружающей температуры.

Я выросла на юге Казахстана, и летом температура +40 градусов была для меня вполне естественной и комфортной. Кондиционеров в моем детстве не было, и все как-то вполне нормально существовали. Да, было жарко, но сносно. Зимой же в моем родном городе было +10. Порой температура опускалась до нуля, и даже выпадал снег, но в основном круглый год было достаточно тепло.

Мой будущий муж родился и вырос в Варшаве. Но у меня создалось впечатление, что вырос он как минимум в Сибири. Например, температура в ноль градусов для него была вполне комфортной. Он надевал рубашку с короткими рукавами и кожаную куртку без подкладки и все. Ни шапки, ни перчаток, ни даже зимней обуви ему не требовалось. Круглый год он ходил в одних и тех же кроссовках: и по снегу, и по дождю, и в жару. Жаловался только летом, а вот зимой в тонких кроссовочках ему было вполне комфортно.

– Тепло же, – всегда говорил он, когда я в это время, одетая в шубу, тряслась от холода.

Я же при температуре в ноль градусов одевалась как на войну. Теплые колготки под штанами, теплые носки, обувь обязательно зимняя, то бишь на меху. Майка, водолазка и теплая кофта, чтобы уж наверняка не замерзнуть. Ну и, естественно, куртка потолще, варежки, шапка и шарф.

При всем этом камуфляже мне было постоянно холодно, а моему спутнику постоянно тепло. Мне становилось холодно, глядя на его куртку на рыбьем меху, а он удивлялся, как мне не жарко.

Что интересно, похожую температуру он пытался сохранять и дома.

До сих пор помню день, а точнее ночь, когда я впервые осталась у него на ночь. Отопительный сезон был в самом разгаре, батареи, раскаленные до предела, поддерживали комфортную для меня, южанки, температуру в +30. Я, конечно же, в пижаме и под теплым одеялом, а вот мой избранник спать улегся не только без пижамы, но и без трусов. К моему великому ужасу, через пять минут он встал и открыл окно. Напомню, что дело было зимой и ночью. Температура на улице была примерно минус десять.

– Что ты делаешь?! Зима же!!! – с ужасом в голосе спросила я.

– Жарко, – буркнул он и, повернувшись на другой бок, засопел минуты через три.

Я лежала под толстым одеялом в пижаме, носках и дрожала от холода. Холодный воздух в помещении никак не давал мне уснуть.

«Ну уж нет!» – подумала я про себя и, убедившись, что мой возлюбленный спит, встала и закрыла окно.

Минут через десять воздух в комнате стал медленно, но верно нагреваться, и я потихоньку начала погружаться в сладкий, теплый сон.

Сон длился недолго. Кажется, я даже не успела толком заснуть. Меня разбудил шорох под одеялом. Мой закаленный друг проснулся... потому что ему было жарко. Посмотрев, что окно закрыто, он немедленно подскочил и направился к окну, дабы снова его открыть.

Думаю, не нужно описывать, что было дальше, теперь уже я не могла сомкнуть глаз, конечно же, от холода.

Кажется, в эту ночь никто из нас не спал. Я вставала, чтобы окно закрыть, а он – чтобы его открыть. В конце концов я сдалась, натянув на себя все теплые вещи, которые мне удалось разыскать в его квартире.

Интересно, что, когда я познакомилась с будущей свекровью, она оказалась еще более закаленной, чем ее сын. Но об этом чуть позже.

Пан капитан редко куда-либо ходил без меня. Во-первых, мы были безумно влюблены и практически всегда и везде появлялись вместе, а во-вторых, в то время меня поедала безудержная ревность.

Нет, я не обнюхивала его рубашки, не проверяла телефон, т. к. считала эти занятия недостойными, к тому же заподозрить его в тайном романе не было повода, поскольку большую часть времени мы проводили вместе и он никогда не прятал ни телефон, ни компьютер, что, по моему мнению, было добрым знаком и означало, что скрывать ему нечего.

Но тем не менее я продолжала бдить, так, на всякий случай, ведь оставались еще эстафеты, на которых меня не было и быть не могло. Эстафета, если кто не знает, – это когда экипаж летит в другую страну или город и остается там на ночь или на несколько дней. У моего пана капитана рейсов с последующей эстафетой, к моему огромному счастью, было немного. Иногда он летал в Дубай или Стамбул и оставался там на пару дней. Перед этим, на всякий пожарный, я проверяла летный состав, дабы удостовериться, что одна и та же женская фамилия не появляется неприлично часто.

Поскольку я сама еще пару лет назад летала в той же авиакомпании, что и он, то большинство фамилий мне были хорошо известны, но, конечно, встречались и абсолютно незнакомые, которые вызвали легкое беспокойство.

У пана капитана не возникало подозрений в моей ревности, так как он сам добровольно показывал мне задание на полет с целым списком имен и фамилий, спрашивая, знаю ли я кого-то. Короткие перелеты не вызвали моей тревоги, хуже было, когда мой капитан улета́л на эстафету, а возможности проверить, что, где и с кем, у меня не было, вот тогда и приходилось нелегко.

Мы, конечно, созванивались по несколько раз в день, он в подробностях описывал, где был и с кем, что видел и куда ходил, но самый трудный для меня момент наставал с приходом вечера. Ведь неизвестно было, ложится он спать один или, боже упаси, нет.

Перед сном пан капитан всегда звонил мне отрапортовать, что все в порядке, и, конечно, пожелать спокойной ночи. И в этот критичный для моих нервов момент я и все мое существо усилием воли превращалось в слуховой аппарат, а точнее, в одно большое ухо, способное вскрыть малейший шорох, малейший вдох, шелест ресниц или дыхание. Я уже не слышала, что именно говорил мне мой польский друг в трубку, а, закрыв глаза, слушала, что происходит в его комнате в мое отсутствие. Я прислушивалась к его интонации, к шуму телевизора, шороху одеяла или писку комара.

Порой, закончив разговор и пожелав друг другу спокойной ночи, если во мне зарождалось малейшее сомнение, я перезванивала минут через десять, выдумывая разные поводы. На

самом деле я хотела удостовериться, что не ошиблась и в его гостиничном номере действительно никого нет.

К счастью, никаких посторонних звуков во время прослушиваний через телефонную трубку обнаружено не было.

Кстати, ревность была одной из причин, по которой я, проработав несколько лет стюардессой, была категорически против союза с летчиком.

Романы на рабочем месте случались достаточно регулярно. Были романы между бортпроводниками, которые заканчивались пышной свадьбой, а через несколько месяцев громким разводом. Были, конечно, и те, кто жил долго и счастливо и о разводе не думал. Случались романы между летчиками и стюардессами, которые тоже нередко заканчивались походом в ЗАГС.

Но бывали и случаи, когда порядочные семьянины, вдруг забыв о любимой жене и троих детях, забывались в объятиях молодой и грудастой стюардессы. Некоторые умудрялись, закончив один роман, плавно переходить в другой, уже с новой молодой и грудастой.

Нет, конечно, были и твердые орешки, которые не поддавались на провокации глазастых и длинноногих, но таких почему-то было меньшинство. Практически у каждого был свой маленький скелетик в шкафу самолета. Поэтому, зная особенности летной работы и свою ревнивую натуру, я твердо решила: «За летчика – никогда!!!»

Но, как говорится, никогда не говори никогда.

Проведя с моим польским возлюбленным вместе несколько месяцев, я отлично изучила его поведение и реакции на разные ситуации. Я знала, с кем он общается, кто ему звонит и по каким причинам. Порой, будучи в другой комнате, я по одному его «але», застыв на мгновение с утыгом в руке, могла точно определить, кто звонит, зачем и как долго продлится разговор.

Поводов для ревности он не давал, но ситуации порой были разные, и независимо от его поведения меня могла начать душить злодейка ревность.

Как-то мы пришли в гости к знакомому знакомых. Даже и не знаю, как мы туда попали, потому что хозяина дома мы видели впервые, точно так же, как и его гостей.

Среди них обнаружилась молодая особа, которая все время поглядывала в сторону моего спутника. Не знаю, заметил ли это он, но точно заметила я. Почувствовав опасность от потенциальной соперницы, я была готова в любую минуту приступить к обороне и не отходила от пана капитана ни на шаг, зная, что враг может приступить к атаке в любую минуту.

Хищница в короткой юбке начала атаку первой. Оказавшись в какой-то момент рядом с нами, она попыталась завести с моим будущим мужем разговор. К счастью, по-русски он в то время понимал плохо, а хищница об этом не знала, поэтому номер не вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.